

УСТИМОВИЧ П. М. — ВИНABЕРУ М. Л.

УСТИМОВИЧ Петр Митрофанович, родился в 1867. Получил высшее образование. С 1887 — занимался литературной деятельностью: написал работы о поэтах Пушкине, Батюшкове, Полежаеве. С 1906 — товарищ прокурора Петербургского окружного суда, с 1909 — член Петербургского областного суда по гражданскому отделению в чине статского советника¹, с 1914 — член Особой комиссии помощи военнопленным, с 1918 — делопроизводитель Севкомбежа и заведующий юридической консультацией для возвращающихся из плена. Контролер Комиссии по расследованию злоупотреблений в Петрокомпроде по отделу общего питания. 28 мая 1919 — арестован во время массовых арестов заложников, 9 июля отправлен в Москву и заключен в Новопесковский концлагерь. 12 сентября 1919 — приговорен как «бывший потомственный дворянин и юрист» к заключению в концлагерь до конца гражданской войны. В конце декабря по ходатайству МПКК освобожден из лагеря по амнистии². С 1922 — принят в штат научных сотрудников Пушкинского дома в Петрограде, с 1923 — ученый секретарь и член Особого совещания по научно-художественной охране Пушкинского заповедника. 11 июня 1927 — арестован как «участник контрреволюционной организации». 15 июля 1927 — приговорен к 3 годам ссылки в Сибирь и отправлен в Красноярск.

В августе 1927 — к М. Л. Винаверу обратился с просьбой о ходатайстве Александр Евгеньевич Ферсман, непрременный секретарь Академии наук.

«НЕПРЕМЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ НАУК СССР ФЕРСМАН

Ленинград

23 августа 1927 г <ода> № 6242

Многоуважаемый Михаил Львович,

Не так давно сослан в административном порядке в Сибирь научный сотрудник Пушкинского Дома Академии Наук Петр Митрофанович УСТИМОВИЧ.

Академии Наук не известны причины, вызвавшие эту кару, и она поэтому не считает возможным касаться существа предъявленных П. М. Устимовичу обвинений. Но Академия Наук может свидетельствовать об П. М. Устимовиче, как о весьма ценном научном сотруднике. В течение ряда лет он отдавал все свои силы работе в пушкинском Доме, особенно много потрудился по устройству Пушкинского Заповедника, причем он являлся одним из энергичнейших инициаторов этого дела. Его деятельность в Пушкинском Доме, несомненно, доказала, что он работник, проникшийся идеями новой жизни и нового строительства, и тем более поэтому трудно Пушкинскому Дому потерять этого энергичного сотрудника.

При таких условиях и зная, что Вы знакомы уже с делом П. М. Устимовича и предполагаете возбудить вопрос о возможности его возвращения из ссылки, я считаю необходимым просить Вас содействовать пересмотру дела П. М. Устимовича.

Искренне Вас уважающий

(Ферсман)

М. Л. ВИНABЕРУ.

¹ Алфавитный указатель жителей Петрограда на 1917 год. Петербургский генеалогический портал, 2005. Издательство ВИРД, 2005.

² ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 260. С. 139-146.

С подлинным верно

Делопроизводитель Секретариата
Академии Наук СССР»³.

В январе 1928 — Петр Митрофанович Устимович был переведен в Енисейск, в феврале он просил помощи Екатерины Павловны Пешковой.

«14/II - 1928

Енисейск, Февральский пер<еулок>, 27

Многоуважаемая Екатерина Павловна

Позволяю себе обратиться к Вам с покорнейшею просьбою, не отказать похлопотать о пересмотре моего дела и с Вашей энергией добиться этого пересмотра. Я имею сведения, что Академия наук и центральное Бюро краеведения ходатайствовали об этом, и Академии, будто бы, такой пересмотр обещан. Бедная моя больная жена, живущая в Ленинграде, послала через т<оварища> Винавера (Хартмана) просьбу о пересмотре дела в августе или сентябре 1927 г<ода>. Кроме того я подал заявление во ВЦИК из Красноярской тюрьмы, которое было отправлено заказным пакетом в Москву 20/IX по квит<анции> № 691. Подавал я заявление и Прокурору Республики. Пока никакого ответа. Срок мне на три года, считая с 11/VI - 27 г<ода>. Постановление обо мне состоялось Ленингр<адской> Тройки от 15/VII после массовых арестов (дело Лен<инградского> ГПУ № 811 – 1927 г<ода>). Я был допрошен в анкетном порядке 7 июля 1927 без предъявления какого-либо обвинения, исключительно о происхождении и прежней службе. В ночь на 11/VII после этого мне было предъявлено письменное постановление о привлечении в качестве обвиняемого: 1) в том что, что состоя на службе а Акад<емии> наук и будучи монархически настроенным (?), вел антисоветскую пропаганду (где? когда? при каких обстоятельствах? какое содержание этой пропаганды?) и 2) в том, что будучи тов<арищем> прокурора б<ывшего> С<анкт->П<етер>б<ургского> Окружного суда, выступал по делам печати. Была проставлена, кажется, статья 58-11 или 58-13. Угол<овного> Код<екса>. От меня потребовали расписки в прочтении этого постановления, но копии выдано не было. Допрошен я в качестве обвиняемого не был. Никаких конкретных фактов предъявлено не было. Я тотчас подал письменное заявление следователю о вызове меня и о допросе в качестве обвиняемого для заслушивания моих обвинений.

В этом заявлении я указал, что мне не предъявлено никаких конкретных фактов по первому обвинению, и что, не зная, в каких именно действиях или словах, когда и где имевших место, меня обвиняют, я совершенно лишен возможности защиты; но что это обвинение категорически отвергаю, что в отношении власти я вел себя всегда легально, что в основании обвинения лег, по-видимому, какой-то донос, совершенно неосновательный и написанный каким-либо недоброжелателем, избравшим наговор для сведения личных счетов, и что мою лояльность могут удостоверить президиум Академии Наук и Центр<альное> бюро краеведения и в частности президент Ак<адемии> А. И. Карпинский. Тем не менее я допрошен не был и 18/VII мне было объявлено постановление (выписка из протокола) о высылке в админ<истративном> пор<ядке> в Сибирь на 3 года по 58 ст<атье> (несколько подзаголовков) и по 84 ст<атье> Угол<овного> код<екса>. Копии мне выдано не было, невзирая на просьбу.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 167. С. 34. Автограф.

По второму обвинению (по постановлению следователя) я указал, что выступления по делам печати в ряду обычной работы товарища прокурора Окружного суда не имели особого значения, ибо все выступления по государственным преступлениям возлагали законом на прокуратуру Палаты. По этим преступлениям я не выступал, политикой никогда не заведовал и исполнял рядовую работу прокурорского надзора Окружного суда по борьбе с общеуголовным элементом, с которым борется всякая власть и общественность, затрачивая немало сил и энергии на борьбу с постоянной тенденцией *<нрзб.>* администрации к произволу. По работе в прокурорском надзоре — совесть моя чиста. Из товарищей прокурора *бывшего* Петербургского Окружного суда я ушел в члены *бывшего* Петербургского Суда *<нрзб.>* (в VI и VII отдел) в 1909 г^оду. Одновременно состоял членом Особого Комитета Росийского Общества Красного Креста помощи пленным и заведовал книжным отделом. После революции все время служил в разных учреждениях (РКИ) и с 1922 г^ода научным сотрудником Пушкинского Дома (нештатным с 1914 г^ода). По Пушкину моя первая работа вышла в 1887 г^оду. В июне (30) 1926 г^ода сопровождал и давал научные объяснения А. В. Луначарскому во время его посещения Пушкинского заповедника (Михайловского). О моей работе в заповеднике и по охране мест, связанных с жизнью и творчеством русских писателей см^{отри} статью в "Известиях ВЦИК'а" от 6/VI - 1924 г^ода. Мои статьи: "Охрана мест, связанных с жизнью и творчеством русских писателей". — "Путеводитель" и "Исторический очерк Пушкинского Дома". Ленинград, 1924 г^ода; "Государственный Пушкинский уголок". — "Краеведение". Москва-Ленинград. 1924 г^од; "Результаты конкурса на идею увековечения памяти Пушкина в Михайловском". — "Красная Нива", 1925, № 7; "Экскурсии в Пушкинский уголок". — "Известия Центрального Бюро Краеведения". Ленинград. 1926 г^од, № 5; "Пушкин и его няня". — "Красная Панорама". Ленинград, 1926, № 28; "Пушкинский заповедник". — "Красная Панорама", Ленинград, 1926. № 36; "Лермонтовский Заповедник". — "Красная Панорама", Ленинград, 1925; "Спасское-Лутовиново". — "Красная Панорама", 1926; "Музей Онегина". — "Красная Панорама", 1926; "Место дуэли Пушкина". — "Красная Панорама", 1927, № от 10-12 февраля.

Отсюда я послал статью об Енисейском музее, которая напечатана в № 9 "Известий" Центрального Бюро Краеведения за 1927 (ноябрь).

Работаю в Енисейском музее в качестве добровольного научного сотрудника с начала октября 1927 г^ода.

Мне 60 лет, здоровье хотя и хорошее, но суровый климат Енисейска все же не по моим силам. Нужна операция, материальные условия — очень тяжелые: заработка нет и о нем здесь нечего и думать. Бедная больная жена, выбивается из сил, бегая по урокам английского языка и продавая последние уцелевшие вещи и высылая мне по 20 рублей в месяц.

Вот условия и обстановка моей жизни, в которую я попал, не чувствуя за собой никакой вины, на 61 году.

Помогите мне вырваться из заточения и вернуться к любимому труду по Пушкину и к бедной исстрадавшейся жене.

Искренне Вас уважающий

П. М. Устимович.

Прилагаю: 1) удостоверение Академии; 2) удостоверение Центрального Бюро Краеведения и 3) объявление о моем докладе»⁴.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 239. С. 153-155. Автограф.

В марте 1928 — Петр Митрофанович Устимович вновь обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

«22/III - 1928

П. М. Устимович
дело Лен<инградского> ОГПУ
№ 811 – 1927 г<ода>

Енисейск,
Февральский пер<еулок>, 27

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна.

Совершенно неожиданно я не нашел себя в списке лиц получающих пособие за декабрь 1927, и январь и февраль 1928 г<ода> в размере по 4 р<убля> в месяц. Таким образом, я лишился 12 рублей, которые вошли в мой скромный доход и на которые я рассчитывал.

Я получил пособие за вторую половину сентября — 2 р<убля> 50 к<опеек> и за октябрь и ноябрь 1927 г<ода> — 8 рублей. Из дому с большим трудом получаю 20 р<ублей>.

При таких условиях позволяю себе беспокоить Вас просьбой и прислать мне пособия. Я получил от Вас пособие в размере 10 р<ублей> в январе т<екущего> г<ода>.

Прилагаю для сведения мою смету.

Искренне Вас уважающий и благодарный.

П. М. Устимович»⁵.

В апреле 1928 — Петр Митрофанович Устимович сообщал о получении денег и о своей жизни в ссылке.

«20/IV – 1928

Енисейск, 27, Февральский пер<еулок>, 27

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна.

Подтверждаю с искренней благодарностью получение по присланному бланку Вашего перевода от 9 апреля т<екущего> г<ода> № У-801 (1432) десяти рублей. Эти деньги меня очень выручили ибо я до сих пор не получил пособия от правительства за декабрь 1927 и январь, и февраль 1928 г<ода>. Я подал заявление, в котором прошу восстановить мне за указанное время пособие (по 4 р<убля> в месяц, а всего 12 р<ублей>), но до сих пор не получил.

По-прежнему работаю бесплатно в музее. За исключением случая лишения меня без всякого согласования пособия, в остальном местные власти относятся ко мне вполне корректно.

Вот уже скоро 11 месяцев исполнится (10/V), как я оторван об больной жены, от заработка, от любимого дела, 60 летний старец с болезнями, обычно сопутствующими закону жизни, брошен в сибирскую глушь с 50 градусными морозами и снежными пургами. И все это вследствие какого-то нелепого доноса, оставшегося для меня неизвестным, и все это при условии не предъявления мне конкретного обвинения. Статей проставлено много (в постановлении о высылки), но ни одного факта, и в чем же я обвиняюсь, так и представляется для меня неразрешимой загадкой. Я был совершенно лишен возможности защиты.

Из Академии я получил сведения, что за меня обещал хлопотать Рязанов. Содействовать моему освобождению могут И. С. Остроухов (17, ев Трубная, <нрзб.> пер<еулок>), А. А. Бахрушин, О. Л. Книппер. Я думаю,

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 239. С. 149. Автограф.

что А. Я. Луначарский и В. В. Вересаев не откажут помочь мне. Знаю, что Центр<альное> Бюро Краеведения постоянно ходатайствует за меня через председателя своего Смидовича. Нельзя ли сосредоточить все эти пути в одних руках и просить Вас обставить добрые желания моих друзей так, чтобы они принесли реальный результат. Знаю еще, что внуки и правнуки Пушкина, живущие в пределах нашего Союза, хотят мне помочь, потому, что я случайно имел возможность поддержать их в тяжелое для них время.

Обращался я, наконец, к Алексею Максимовичу, самому испытанному на себе пример тюрьмы и ссылки, предполагая, что он не откажется подать руку помощи человеку, работающему по исследованию классиков русского художественного слова, к изучению которых он так настойчиво зовет, вслед за Лениным, современных писателей молодых.

Помогите, глубокоуважаемая Екатерина Павловна, вырваться мне из этой тины вынужденного безделья, – мне, 60-летнему старику, заброшенному в такие тяжелые и суровые климатические условия, не знающему за собой никакой вины и испытанному до ссылки весь ужас трехлетнего этапа по тюрьмам северо-востока России и Сибири.

Благодарю Вас сердечно за все до сих пор сделанное для меня добро.

Искренне Вас уважающий и благодарный.

П.М. Устимович.

Посылаю для сведения мой бюджет, сведенный до минимума за время с 19/III по 19/IV - 28. П. М. У.»⁶.

Во время командировок в село Назимово Енисейского района Петр Михайлович Устимович изучал архивные материалы, связанные с пребыванием там декабриста Якубовича. В октябре 1928 — для ходатайства юридического отдела Помполита о пересмотре дела Петра Михайловича Устимовича были получены справки с места его прежней работы в Пушкинском музее-заповеднике и из местного музея Красноярска.

«СПРАВКА

Бывш<ий> Научный сотрудник Пушкинского Музея Академии Наук Петр Митрофанович Устимович состоял более трех лет секретарем образованного при Центральном Бюро Краеведения Особого Совещания по делам Пушкинского Заповедника. Он проявил себя как весьма сведущий и активный музейный и общественный работник, и можно с уверенностью сказать, что исключительно благодаря его настоятельным и энергичным хлопотам был проведен в последние годы ряд мероприятий по Пушкинскому заповеднику, и получены денежные ассигнования на эти мероприятия.

Работая в качестве секретаря упомянутого Совещания, П. М. Устимович имел несколько командировок в Пушкинский заповедник и в Москву по делам Заповедника.

В то же время он принимал участие в печатных органах Ц<ентрального> Б<юро> К<раеведения> — журналах "Краеведение" и "Известия ЦБК".

В настоящее время, находясь в административной ссылке в Енисейске, П. М. Устимович не прекращает своей связи с Центральным Бюро Краеведения, присылая информационные сообщения о краеведческой и музейной работе в Енисейском крае для упомянутых

⁶ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 239. С. 143-144. Автограф

печатных органов, а также фенологические наблюдения. Сам лично он работает в Енисейском Музее, собирает сведения о местных достопримечательностях, материалы для музея, составляет статью для музейного сборника о декабристах, связанных с Енисейским краем. Им совершена поездка в Назимово (200 верст по р<еке> Енисей), где он собрал сведения и материалы о декабристе Якубовиче и намечает еще подобные исследования.

Ученый секретарь Ц<ентрального> Б<юро> К<раеведения>

Октябрь 1928 г<ода>»⁷.

«Выдано это Петру Митрофановичу Устимовичу в том, что он, с разрешения ОГПУ работал в местном музее с ноября 1927 года и по настоящее время в качестве добровольного научного сотрудника. Между прочим гр<ажданином> Устимович произведены следующие работы:

1) составлен алфавитный систематический каталог по карточной системе, собранных в музее за 50 лет газетных вырезок, касающихся местного края;

2) принимал участие в составлении инвентаризации музея, потребовавшей работы в течение 2½ месяцев;

3) составил карточный систематический каталог имеющихся в музее литературы по природоведению на иностранных языках, перевел для музея отдельные места из этой литературы, касающиеся г<орода> Енисейска и его прошлого;

4) такой же каталог по нумизматике, систематизировал около 400 экземпляров старинных русских и иностранных монет;

5) участвовал в составлении плана по выявлению дел бывшего Енисейского уезда и Туруханского края историко-культурных и естественно исторических памятников, в целях принятия их музеем на учет и дальнейшей научной обработки;

6) участвовал в составлении списка по исследованию местного, культурно-краеведческого материала (по истории политической ссылки и друг<ое>) для предложенных к выпуску в свет изданий по истории Енисейского края. И, наконец,

7) при командировке гр<ажданина> Устимовича в Назимово, места пребывания там декабриста Якубовича, им были найдены автограф Якубовича и четыре принадлежавшие ему реликвии.

Заведующий музеем»⁸.

В октябре 1929 — благодаря ходатайству Помполита Петр Михайлович был освобожден из ссылки досрочно с ограничением проживания на 3 года (-6). Поселился в Новгороде, давал частные уроки английского языка, работал сторожем дровяного двора. Писал статьи, занимался научной деятельностью. В начале ноября 1929 — обратился к Екатерине Павловне Пешковой за ходатайством о применении к нему ноябрьской амнистии.

<Ноябрь 1929>

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна.

⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 369. С. 130. Машинопись.

⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 369. С. 131. Машинопись.

Как всегда начинаю мое письмо с благодарности, ибо благодаря вам избавился от ссылки, и уже близок час моего полного освобождения от тягот и неприятностей, связанных с постигшим меня несчастьем.

Я уже три недели здесь. Тут жизнь дороже Енисейска, а получить заработок и даже иметь возможность работать по своей специальности бесплатно хотя бы — еще труднее, по крайней мере, на первых порах. Сначала мне обещали работу по краеведению, но, в конце концов, после долгих моих стараний, дали мне понять, что не решаются, хотя и искренне сожалеют о невозможности использовать мои знания и опыт. Что делать... приходится ограничиться писанием статей. Хочу просить разрешения заниматься бесплатно в архиве над материалами по надзору за Пушкиным во время его поездок по Новгородской губ<ернии> в 1820-1825 г<одах>. Не уверен, разрешат ли.

Обращаюсь к Вам с двумя покорнейшими просьбами. Не откажите оказать содействие к освобождению меня от минуса к предстоящему 12 л<етию> Октября. Вероятно Центр<альное> Бюро Краеведения возбудит об этом ходатайство (осталось мне 8 мес<яцев>).

Вторая моя просьба: жена моя больна нервным расстройством, и доктор не решается позволить ей поехать в Новгород для свидания со мной после 2-летней нашей вынужденной разлуки. Поездка эта не по ее силам: приходится провести целую ночь в поезде, приходящем в Новгород в 5 ч<асов> утра. Без провожатого она, во всяком случае, приехать не может, а все это увеличивает расходы и делает их непосильными. Вот почему я просил бы разрешения приехать на несколько дней в Ленинград для свидания с женой и для неотложных имущественных <дел>, поскольку у нас остались какие-то крохи.

Принося Вам еще раз мою большую признательность за все сделанное для меня добро, прошу принять уверение в искренней моей преданности. П. М. Устимович»⁹.

В феврале 1930 — Петр Митрофанович вновь просил помощи у Екатерины Павловны Пешковой.

«10/II - 1930

Новгород. 12, Ленинградская, 12.

Глубокоуважаемая, Екатерина Павловна

Вы так много для меня сделали и так сердечно отнеслись в дни постигшего жену и меня несчастья, что я позволяю себе обратиться к Вам не как представителю помощи политзаключенным, а как к доброму человеку.

В июне (11 числа) кончается срок моему минусу. Итак, я 2 года пробыл в ссылке в Сибири и остальное время здесь. Пострадал я безо всякой со своей стороны вины, без суда, в порядке административном. В Л<енингра>де живет больная нервно жена, а я здесь не могу получить никакой работы, хотя на Бирже числюсь на учете с 28 октября 1929 г<ода>. С большим трудом получил я здесь 2 урока английского языка и кроме того, в самое последнее время немного зарабатываю в качестве сторожа дровяного двора. Небольшой заработок дают мне литературные статьи.

Все что можно было продать, уже продано. Средств никаких. Жена работать не может. Живу в тревоге каждый день, чтобы не выселили жену, как жену временного лишенца. Из квартиры (Л<енингра>д 52, Кирочная, кв

⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 369. С. 133. Автограф.

3). Хотя до восстановления моего в правах остается всего 4 месяца, но такая мера, к сожалению, представляется вполне возможной.

Меня усиленно зовут, познакомившись с моей работой в Енисейске, в Сибирь на музейную работу, но до снятия минуса такое назначение невозможно.

Все эти обстоятельства, чрезвычайно для меня тяжело сложившиеся, понуждают меня обратиться к Вам, помогите мне избавиться от последнего стеснения в свободе — минуса, не дающего мне возможности зарабатывать на кусок хлеба и содержать больную жену и себя.

Прилагаю соответственное заявление об извлечении меня из моей незапертой тюрьмы. Посылаю Вам мою заметку о Турухарском крае. Как видите, всюду жизнь и везде можно жить, стоит только стереть случайные черты и мир, говоря словами Блока, прекрасен как всегда!

Искренне Вас уважающий и благодарный
П. М. Устимович»¹⁰.

В июне 1930 — Петр Митрофанович Устимович сообщил Екатерине Павловне Пешковой о своем возвращении в Ленинград.

<24 июня 1930>

«24/VI – 1930

Ленинград, Кирочная, 52, кв. 3.

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна

Вернувшись домой, считаю своим долгом принести Вам большую и искреннюю благодарность за все то добро, которое Вы для меня сделали во время моего вынужденного проживания в Енисейске и Новгороде. Никогда не забуду всех Ваших хлопот и забот обо мне за три года — 1927-1930.

Искренне вас уважающий и преданный П. М. Устимович»¹¹.

---

¹⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 448. С. 47. Автограф.

¹¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 521. С. 268. Автограф.